

УДК 323(470+571)

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Экологические протесты и национальная идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм в СССР и современной России

Елена Николаевна КАРАТУЕВА

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного
и муниципального управления

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Петербургское шоссе, д. 2, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
196601;

докторант кафедры политологии

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Российская Федерация, 125167

E-mail: e_karatueva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2169-3622

ЦИТИРОВАНИЕ: Каратуева Е.Н. Экологические протесты и национальная
идентичность в многонациональном государстве: зеленый национализм
в СССР и современной России // Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 105–121.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.06

Статья поступила в редакцию 28.09.2024.

Исправленный текст представлен 29.11.2024.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию зеленого национализма как социально-политического явления, объединяющего экологические и националистические аспекты, через анализ экологических протестов в национальных сообществах. В работе были исследованы эволюция и динамика экологических протестов в республиках СССР в период перестройки, а также современные экологические движения в российских регионах (Татарстане, Башкортостане, Ханты-Мансийском автономном округе). Основное внимание уделено тому, как экологические

протесты переплетаются с националистическими идеями, превращаясь в инструмент политической мобилизации. Методология исследования основана на историческом, дискурсивном, сравнительном и контент-анализах, что позволило изучить эволюцию зеленого национализма, а также определить региональные особенности и общие закономерности протестной активности. В заключении отмечается соотношение зеленого и ресурсного национализма в позднесоветский и постсоветский периоды. Эти направления могут конфликтовать,

но способны интегрироваться в период политической мобилизации и отстаивания национальных интересов. Основой для преодоления внутренних противоречий и укрепления единства общества в многонациональном государстве может стать идентичность, основанная на многоэтничности, поликонфессиональности и культурном многообразии. Основные выводы исследования подчеркивают, что выявление причин возникновения зеленого национализма является важным фактором предотвращения радикализации политических настроений в стране. Ключевую роль в этом поможет сыграть развитие зеленого патриотизма как более конструктивной и прогрессивной альтернативы развитию национальных сообществ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зеленый национализм, эконационализм, энвайронментализм, окружающая среда, экологические протесты, национальная идентичность, многонациональное государство, СССР, Россия.

Введение

Концепция зеленого национализма, включающая защиту экологических объектов и националистические тенденции, объединяет два, на первый взгляд, несовместимых понятия. Национализм создает границы, тогда как энвайронментализм выступает за защиту окружающей среды за их пределами. Многие исследователи в конце XX в. прогнозировали конец национализма и национальных государств в условиях глобализации, окончания холодной войны и появления новых технологий, способствующих объединению людей в глобальное сообщество [Ohmae, 1995]. Но уже в начале XXI в. стало понятно, что в мире происходит возрождение национализма. Его устой-

чивость объясняется историческим развитием и присутствием на всех уровнях общества в качестве идеологии, способствующей национальной солидарности [Malešević, 2019]. Национализм заставляет государства фокусироваться на вопросах внутренней безопасности и однородности, а не на глобальных проблемах и бедах других стран [Conversi, Hau, 2021]. Но зеленая окраска национализма позволяет использовать его различным политическим силам, придающим экологическим вопросам значение национальной идеи.

Объекты окружающей среды могут иметь для национального государства экономическую, культурную и экологическую ценность. Зеленый национализм, рассматривающий окружающую среду как исключительно экономический ресурс, демонстрирует реакцию на угрозы, которые экозащитные движения представляют для государств, эксплуатирующих природные ресурсы своей территории. Природа воспринимается как национальное достояние, эксплуатация которого оправдана только в интересах государства. Сторонники ресурсного национализма минимизируют влияние антропогенной деятельности на окружающую среду, либо выступая против требований экологов, либо апеллируя к необходимости экономической выгоды от использования природных ресурсов для поддержания национальной экономики [Posocco, Watson, 2022].

Социально-культурная ценность окружающей среды включает в себя ценность объектов, принадлежащих национальной экосистеме и имеющих символическую значимость для укрепления национального самосознания [Кокаревич, 2024]. В этом контексте зеленый национализм можно рассматривать как реакцию этнонационалистов на чрезмерную эксплуатацию природных ресурсов, отсутствие социальной

справедливости в их распределении и посягательство на национальные символы культурной идентичности [Винер, Дивисенко, 2015]. При этом зеленый национализм может служить как инструментом защиты культурных символов коренных народов, так и идеологией доминирующей этнической группы в национальном сообществе [Тулаева, Снарский, 2022].

Зеленый национализм как инструмент антиправительственной деятельности основывается на убеждении, что угрозы для окружающей среды являются следствием ошибок доминирующей политической системы. Националисты, представляя себя защитниками природы и обвиняя своих оппонентов в безразличии к экологическим вопросам, применяют концепцию зеленого национализма для продвижения идей политической независимости, автономии и получения международного признания [Цепилова, 2023]. Однако главной проблемой становится снижение активности в экологической сфере после того, как политические цели достигаются [Conversi, Hau, 2021]. Националисты используют проблемы изменения климата и защиту окружающей среды для получения политической выгоды, в то время как выгода для окружающей среды остается незначительной.

Альтернативой зеленому национализму может стать зеленый патриотизм, или национальная гордость за объекты окружающей среды и политика государства, направленная на устойчивое развитие. Такой подход является наиболее продуктивным и эффективным для укрепления экологических ценностей и сплочения нации [Dobson, 2007].

В целом *зеленый национализм* можно определить как социально-политическое явление, в котором экологические протесты и экологическая риторика становятся инструментом укрепления

национальной идентичности, а также средством политической мобилизации. Он проявляется в многонациональных государствах, где экологические проблемы переплетаются с вопросами защиты национальных интересов, автономии или независимости, трансформируясь в механизм давления на государственные структуры и выражения культурной самобытности.

Целью данной статьи является исследование зеленого национализма как социально-политического явления через анализ экологических протестов в национальных сообществах на примере республик СССР и регионов современной России. В рамках достижения цели исследования в статье решаются следующие задачи: 1) исследовать идейные основания проявлений зеленого национализма на позднесоветском и постсоветском пространстве на основе анализа освещенности этого явления в трудах советских, российских и зарубежных исследователей; 2) проанализировать исторические примеры проявлений зеленого национализма в СССР и его роль в протестной активности; 3) исследовать современные экологические протесты в российских регионах и их связь с националистическими движениями; 4) выявить причины зеленого национализма в СССР и современной России.

Для достижения цели исследования был использован комплексный методологический подход. Исторический анализ позволил выявить причины возникновения зеленого национализма в контексте распада СССР и трансформации экологических движений в современной России. Дискурсивный анализ обеспечил изучение риторики экологических протестов через анализ публикаций СМИ, официальных заявлений и текстов активистов, что помогло определить ключевые идеи и символы, лежащие в основе зеленого

национализма. Контент-анализ позволил систематизировать текстовые данные и выявить тенденции, характерные для экологической и националистической риторики. Сравнительный анализ развития зеленого национализма в различных регионах помог обнаружить как общие черты, так и уникальные особенности экологических протестов в многонациональном контексте.

Несмотря на актуальность и рост интереса к вопросам национализма и экологической политики, тема зеленого национализма остается недостаточно изученной. Научные исследования преимущественно сосредоточены на отдельных аспектах экологической мобилизации или проявлениях национализма, в то время как их синтез в виде зеленого национализма требует более глубокого анализа. Особенно это актуально для многонациональных государств, таких как Россия, где экологическая повестка нередко переплетается с вопросами идентичности и политической автономии. Настоящая работа направлена на восполнение данного пробела и исследование механизмов взаимосвязи экологической риторики и националистических идей.

Зеленый национализм как инструмент сепаратизма в СССР: роль экологических движений в политических процессах

Протестные движения в Европе, первоначально вызванные экологическими проблемами, нередко включали требования, касающиеся социальных, экономических, политических и культурных сфер. В СССР экологическая проблематика приобрела важное значение в протестной деятельности лишь в середине 1980-х годов, в период гласности и роста общественных свобод. Вопросы изменения климата и разви-

тия альтернативной энергетики перестали восприниматься исключительно в экологическом контексте и стали выражать озабоченность местных властей проблемами национального самоопределения. В дополнение к экологическим вопросам в повестку дня советских республик вошли проблемы территориальной целостности и культурной идентичности.

Активность экологических организаций в советских республиках усиливалась по мере взаимодействия с международными экологическими движениями. Созданные при участии и финансовой помощи международных фондов экологические неправительственные организации (экоНПО) продемонстрировали значительный потенциал в привлечении общественного внимания к экологическим вопросам и включении их в социально-политическую повестку [Халий, 2010]. Осознание необходимости решения экологических проблем в национальных сообществах привело к формированию зеленого национализма, который перенаправил глобальную экологическую политику в русло защиты национальных интересов коренного населения. Экологическая риторика стала важным инструментом, оправдывающим сепаратистские процессы в многонациональном государстве.

Изучением вопросов гражданских инициатив, включая экологические протесты, периода перестройки активно занимались советские, а впоследствии и российские ученые. Они рассматривали экологическую активность как часть более широких процессов формирования гражданского общества и трансформации общественного сознания. Исследования подчеркивали, что экологические движения стали одним из первых легитимных каналов выражения недовольства существующим политическим порядком. Особое

внимание уделялось тому, как экологическая риторика использовалась для мобилизации масс и становилась платформой для обсуждения более широких политических вопросов (автономии, прав человека, демократизации). Исследователи отмечали, что экологическая проблематика переплеталась с национальными и социальными требованиями. Работы Е.А. Здравомысловой были сосредоточены на социальной базе экологических движений, гендерных аспектах участия в протестах, а также на роли экологических организаций в развитии гражданского общества [Здравомыслова, 1990]. Валерий Тишков исследовал экологические протесты в национальных республиках СССР, включая Среднюю Азию, Прибалтику и Кавказ, где экология использовалась как часть националистической повестки [Тишков, 2011]. О.Н. Яницкий изучал экологические движения в контексте становления гражданского общества на постсоветском пространстве [Яницкий, 1992]. Эти исследования остаются важным вкладом в изучение экологических протестов как инструмента социальных и политических изменений. Они раскрыли взаимосвязь между экологическими движениями и процессами демократизации и показали, как экология стала частью политической повестки, связанной с национальной идентичностью и социальной справедливостью.

Особую роль в освещении политизации экологических протестов в СССР и на постсоветском пространстве сыграли исследования западных экспертов. По их мнению, потребительское отношение к природным ресурсам в республиках Советского Союза стало одним из факторов роста протестных движений. Понятие «эконационализм», предложенное Джейн Доусон, согласуется с националистическими идеями создания независимых государств, свя-

занными с экологическими движениями в советских республиках [Dawson, 1996]. Анализируя социальную активность в СССР в конце 1980-х годов, она обнаружила сближение национализма и энвайронментализма, особенно в регионах с высокими сепаратистскими настроениями, таких как Прибалтика, Грузия и Украина. В этих республиках роль защиты окружающей среды сводилась в основном к инструменту в достижении политических целей [Dellapenna, 2010]. Американские исследователи Мерри Фешбах и Альфред Фрэндли в своей работе «Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении» утверждали, что государственная политика, ориентированная на масштабное социалистическое производство, привела к экологическому ущербу и массовым проблемам со здоровьем населения [Фешбах, Фрэндли-младший, 1992]. Они полагали, что экоцид стал одним из факторов, способствовавших распаду Советского Союза. Дуглас Вайнер, исследуя экологическую историю СССР, охарактеризовал природопользование советского государства как хищническое, направленное на эксплуатацию как природных, так и человеческих ресурсов [Weiner, 1990]. Йоахим Радкау, один из основоположников экологической истории Германии, описал тесную связь между телом, здоровьем и окружающей средой как важный фактор, приобретающий политическое значение в эпоху позднего социализма [Radkau, 2002].

В 1980-е годы политизация экологической проблематики в СССР достигла своего апогея. Первые «зеленые» организации возникли в рамках Хельсинкских соглашений и вскоре стали организационной основой для более широких протестных движений. Власти воспринимали эти организации как относительно безопасные, предоставляя им определенную свободу дей-

ствий, что объяснялось несколькими факторами:

1. Многие «зеленые» разделяли марксистские взгляды и обвиняли капитализм в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов.

2. Экологические активисты могли стать источником политической информации благодаря своему международному сотрудничеству.

3. Экозащитные организации служили демонстрацией «советской демократии» для внешнего мира.

4. Небольшие масштабы движения делали его участников легко контролируемыми.

Относительная терпимость к экологическим группам обеспечивала прикрытие для тех, кто на самом деле мог быть более заинтересован в национализме или сепаратизме. Экологические организации были на тот момент единственными неформальными негосударственными объединениями, которые притягивали радикализирующую часть общества. В условиях перестройки и гласности неразрешенные экологические проблемы, вызванные чрезмерным загрязнением окружающей среды в результате функционирования опасных видов производства, стали поводом для политических протестов. Экологические организации, такие как волгоградский «Экологический клуб», в конце 1980-х годов трансформировались в мощные протестные движения, обретавшие всё большее политическое влияние.

К началу 1990-х годов экологическая повестка превратилась в инструмент политической борьбы за независимость. Лидеры экологических движений становились активными участниками широкой борьбы за культурную, экономическую и политическую автономию, часто объединяясь с националистами. Протесты в советских республиках, изначально направленные

против загрязняющих производств, постепенно приобрели политический характер и способствовали росту сепаратизма.

Экологическая проблематика открыла своего рода окно возможностей для протеста против советского «колониализма». Эстонские «зеленые» основали свою партию, чтобы участвовать в выборах, соединяя главный лозунг о возвращении государственного суверенитета с чистой окружающей средой. В Армении протестующие против опасных производств и строительства ядерных реакторов изначально объединялись вокруг вопросов охраны окружающей среды [Каратуева, 2024]. Однако впоследствии стали поднимать и другие политические темы. В 1988 г. протесты усилились в связи с событиями в Нагорном Карабахе, приобретая характер борьбы за отстаивание национальных интересов. Протесты в Казахстане, начавшиеся против ядерных испытаний в Семипалатинске, привели к развитию националистических и сепаратистских процессов [Каратуева, 2024]. Лидер движения «Невада – Семипалатинск» Олжас Сулейменов обвинял центральную власть в целенаправленном размещении опасных производств на территории республики, что наносило ущерб национальной земле. В Средней Азии националисты также обвиняли центральные власти в геноциде местных народов. Сельскохозяйственная политика в регионе Аральского моря и бассейне Амударьи воспринималась как «часть исторического заговора со стороны русских с целью эксплуатации своих мусульманских подданных» [Феишбах, Френдли-младший, 1992].

Авария на Чернобыльской АЭС 1986 г., ставшая одной из самых громких экологических катастроф XX в., значительно повысила уровень национального самосознания в наиболее по-

страдавших от радиоактивного загрязнения республиках, таких как Белоруссия и Украина. Вскоре после аварии на Украине возникло националистическое движение «Рух» [Каратуева, 2024]. Сергей Одарич, один из его основателей, заявил: «Чернобыль помог нам осознать, что мы были колонией» [Dellapenna, 2010]. Протесты против использования ядерной энергии стали частью более масштабного протеста против советской власти. Первым шагом возрождения украинского национализма стало принятие Верховным Советом УССР в 1991 г. закона о радиационном загрязнении. Украинские коммунисты также присоединились к критике, чтобы сохранить свои политические позиции после распада СССР.

Чернобыльская катастрофа и развитие националистических движений на Украине побудили украинскую диаспору на Западе искать пути для взаимодействия с общественными активистами республики. Североамериканская диаспора сыграла ключевую роль в установлении связей с движением «Рух», «Украинским Хельсинкским союзом», ассоциацией «Зеленый мир» и другими оппозиционными группами. Эти организации оказали значительную гуманитарную помощь пострадавшим от чернобыльской катастрофы [Perga, 2022]. В 1990 г. ассоциация «Зеленый мир» предложила Божене Ольшановской, председателю организации «Американцы за права человека в Украине» (AHRU), занять должность одного из восьми директоров правления Экофонда. Кроме того, в Канаде в 1988–1989 гг. были созданы две группы для помощи Украине: Комитет по охране окружающей среды (CECU) и группа «Эколос». Эти группы активно информировали западное общество об экологических проблемах на Украине и поддерживали первые украинские экологические движения. В результа-

те сотрудничества западных экологов и украинских активистов был запущен проект «Витамин», направленный на обеспечение жертв Чернобыля необходимыми витаминами и медицинской помощью. Таким образом, помощь жертвам Чернобыля стала важным каналом влияния на Украину.

В Белорусской ССР, которая сильно пострадала от радиоактивного загрязнения, также усилились протесты. Делегаты Верховного Совета СССР от Белоруссии настаивали на расследовании действий, связанных с чернобыльской катастрофой. В 1991 г. в республике прокатилась волна забастовок на угольных шахтах, бастующие активно использовали СМИ для обсуждения чернобыльской катастрофы и требований отставки Президента и Верховного Совета СССР. Поддержка экологических групп Белорусским народным фронтом «Возрождение» способствовала дальнейшему усилению сепаратистских настроений в стране. Народный фронт потребовал прекратить строительство сомнительных с экологической точки зрения промышленных предприятий, провести очистку объектов химической промышленности и остановить работу крупных животноводческих предприятий. Все новые строительные объекты должны были обсуждаться на национальном или региональном референдуме, чтобы получить «экологически чистую Беларусь» [Arndt, 2022]. Тогда именно экологические проблемы стали триггером для сепаратистских настроений.

Экологический императив стал важной частью политической жизни в постсоветских странах, предоставив общественным движениям дополнительные аргументы в борьбе за независимость. Экологические проблемы, такие как загрязнение рек, вырубка лесов или строительство промышленных объектов, в республиках СССР воспри-

нимались не только как угроза окружающей среде, но и как посягательство на национальную территорию, ресурсы и культурное наследие. Протесты, происходящие в национальных сообществах, интегрировали экологические требования с националистической риторикой. Централизованное использование природных ресурсов в СССР в интересах всего Союза часто вызывало недовольство в республиках, где ресурсы добывались. Их эксплуатация воспринималась как форма экономического неравенства и способ подавления национальной автономии. На этом этапе политического противостояния советских республик с центральными властями зеленый национализм противопоставлялся ресурсному национализму союзного государства, но интегрировался с ним на региональном уровне, подчеркивая особую значимость экологических объектов как национального достояния и возможность использования природных ресурсов только в национальных интересах.

Зеленая повестка в борьбе за отстаивание национальной идентичности в регионах России

В конце 1980-х годов активно обсуждались вопросы статуса автономных республик в СССР и децентрализации управления. Декларация о суверенитете, принятая Верховным Советом Татарской АССР 30 августа 1990 г., провозгласила независимость Татарии, преобразовав ее в Республику Татарстан. В 1992 г. на референдуме республика объявила себя суверенным государством, выстраивающим отношения с Россией на равноправной основе. В этот период антиядерные протесты, связанные со строительством новой атомной электростанции, стали катализатором националистических настроений в регионе.

В 1987–1988 гг. небольшие дискуссионные клубы начали обсуждать вопросы культуры и экологии в Татарстане. Первые массовые акции касались в основном таких экологических проблем, как строительство объектов в лесных массивах и зонах отдыха. Студенческий экологический клуб Казанского государственного университета стал центром мобилизации общественности, что привело к созданию независимого «Экологического клуба» в 1987 г. Этот клуб впоследствии сыграл ключевую роль в формировании Татарского народного фронта (ТНФ), который сочетал требования о прекращении строительства Татарской АЭС с вопросами государственного суверенитета. Однако радикальные националисты, недовольные умеренностью ТНФ, создали новую политическую организацию, более соответствующую «национальным» интересам, – Татарский общественный центр (ТОЦ). Политическая мобилизация всё больше разделялась по этническому признаку. Радикальные татарские националисты, такие как Альберт Гарапов, рассматривали антиядерную деятельность как символ борьбы за суверенитет и независимость татар. Их рассуждения о вреде ядерной энергетики включали предостережения об угрозе для татарской нации и необходимости защиты ее от централизованной ядерной политики. К 1990 г. в Татарстане начали возникать радикальные националистические организации, такие как «Иттифак», которые призывали к созданию исключительно этнического татарского государства [Dawson, 1996]. Во время выборов 1990 г. кандидаты активно использовали экологическую повестку для критики потребительской политики СССР и России по отношению к Татарстану. Верховный Совет Татарстана в 1989 г. издал указ, призывающий отменить строительство Татарской АЭС на осно-

вании плохого технологического планирования. Впоследствии ликвидация нежелательных ядерных объектов стала символом суверенитета как России, так и Татарстана.

Современные соглашения между Российской Федерацией и Татарстаном поддерживают требования татар о большем контроле над своими природными ресурсами, однако они не удовлетворяют интересам радикальных этнических групп, сохраняющих влияние на общество. В настоящее время в Татарстане наблюдается новый виток экологических протестов. В феврале и марте 2023 г. прошли пикеты против строительства атомной электротехнологической станции (АЭТС), а летом того же года состоялись акции против строительства мусоросжигательного завода¹. Эти протесты, организованные антиядерным обществом Татарстана, вновь акцентируют внимание на связи между экологическими и национальными проблемами.

В Башкортостане принятие Декларации о государственном суверенитете привело к преобразованию Башкирской АССР в Республику Башкортостан. В 1993 г. на референдуме было провозглашено, что земля, недра и природные ресурсы республики принадлежат ее многонациональному народу. Однако федеративные реформы 2000-х годов ослабили независимость региона. В последние годы протесты против разработки шиханов, которые символизируют национальную идентичность башкир, вновь вывели на первый план вопросы экологии и национализма. Несмотря на участие в протестах представителей разных национально-

стей, особая роль отводилась титульной нации республики – башкирам. В результате протестов проект был отменен, а Башкирская содовая компания национализирована. В апреле 2023 г. в Башкортостане вновь вспыхнули протесты против геолого-разведочных работ на горном хребте Ирендык². Лидер протестов Фаиль Алсынов был осужден, что вызвало еще большую эскалацию протестов. Эти акции вновь подчеркнули специфику национально-экологических проблем в республике, где разработки месторождений воспринимаются как «чужаки», посягающие не только на экологию, но и на национальную идентичность.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре этнический национализм проявляется слабее. Титульные национальности автономного округа составляют всего 1,86% населения. Во времена Советского Союза центральное правительство активно проводило политику добычи и освоения природных ресурсов, в результате чего ханты и манси были вытеснены со своих земель. Большинство оставшихся представителей коренного народа утратили свои традиции, поэтому их восстановление стало особенно важным фактором возрождения национальной идентичности и культуры. Конфликты на этой территории, такие как протесты против добычи нефти в заповеднике «Нумто», были обострены несправедливым распределением доходов от природных ресурсов и угрозой традиционному укладу жизни местных народов. Основные требования о сохранении природных угодий находились в тесной связи с культур-

1 Антонов К. Протест разбирают на атомы // Коммерсантъ. – 2023. – № 24. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5812641> (дата обращения: 09.10.2024).

2 Макаркин А. «Черный» или «простой»: как экологические протесты в Башкирии стали политическими // Forbes. – 2024. – 19 января. – URL: <https://forbes.ru/turbopages.org/forbes.ru/s/mneniya/504535-cernyj-ili-prostoj-kak-ekologiceskie-protesty-v-baskirii-stali-politiceskimi> (дата обращения: 11.09.2024).

но-исторической проблематикой. Заповедные территории были важны для коренного населения прежде всего как источник их традиционных ценностей и уникального образа жизни [Тулаева, Снарский, 2022].

Рассмотренные виды взаимоотношений национально-территориальных образований с руководством России демонстрируют ряд общих критериев. Одним из главных аспектов является зависимость характер отношений, который ограничивает возможность субъектов федерации самостоятельно распоряжаться национальными природными ресурсами. Политику Татарстана и Башкортостана можно рассматривать через призму утверждения национальной независимости «сверху», исходящей от государственных структур республик. Провозглашение суверенитета включало в себя исключительное право распоряжения национальными природными ресурсами, которые признавались национальной собственностью. На первом этапе протестной деятельности экологические лозунги поддерживались как гражданским обществом, так и руководством республик.

Тем не менее существуют значительные различия в проявлениях зеленого национализма в разных регионах. В Татарстане экологическая активность была инициирована в рамках антиядерной кампании, которая началась в 1980-х годах по всему Советскому Союзу. В этом случае экозащитная активность стала частью международного зеленого движения, которое получило благодатный отклик на национальной почве. Современные протесты в Татарстане направлены не столько против эксплуатации природных ресурсов (учитывая, что Татарстан является одним из крупнейших поставщиков нефти и газа на международные рынки), сколько против строительства опасных

производственных объектов. Протестное ядро, созданное антиядерной кампанией 1980-х годов, продолжает свою активность, о чем свидетельствует ведущая роль в современных протестах председателя антиядерного общества Татарстана Альберта Гарапова.

Если в Татарстане протесты были инициированы международным энвайронментализмом, то в Башкортостане акцент экологических протестов был сделан на преступные последствия эксплуатации ресурсов центральными властями, что привело к экологической деградации республики. В 1980-х годах протестующие также требовали остановить строительство Башкирской атомной электростанции, предприятия «Химволокно» и Иштугановского водохранилища, однако массового характера движение тогда не приобрело. Современные протесты в Башкортостане демонстрируют большую приверженность защите национально-культурных символов и природных богатств республики.

В Ханты-Мансийском автономном округе представители титульной нации составляют меньшинство и не смогли выстроить активную экологическую политику. Основной движущей силой протестов стало несправедливое распределение природных ресурсов между центром и коренными народами, а также стремление отстаивать культурную самобытность.

В современной России экологические вопросы тесно переплетаются с национальной идентичностью и социальными требованиями, что делает их неотъемлемой частью региональной политики. Ресурсный национализм на государственном уровне приобрел форму контроля над стратегическими ресурсами (нефтью, газом) и использованием их для обеспечения экономической стабильности и политического влияния. Однако в некоторых регионах

ресурсный национализм трансформировался в локальные протесты против экологических и экономических последствий эксплуатации ресурсов федеральными властями.

Заключение

Противоречие между энвайронментализмом, стремящимся к глобальному взаимодействию, и национализмом, создающим границы, было преодолено в концепции зеленого национализма. Синтез экологических и националистических идей позволил протестным движениям одновременно выступать за защиту окружающей среды и отстаивать национальные интересы, стремясь к политической независимости.

Наряду с зеленым национализмом проявился феномен ресурсного национализма, при котором природные ресурсы воспринимаются как национальное достояние, служащее основой для обеспечения экономической и политической независимости. Эти направления могут конфликтовать, особенно в многонациональном государстве, когда использование природных ресурсов в общенациональных целях воспринимается на уровне национальных сообществ как несправедливое и эксплуататорское, но способны интегрироваться в период политической мобилизации в противостоянии государственной власти на региональном уровне. В позднесоветский период это проявлялось в критике централизованного распределения ресурсов, которое воспринималось как эксплуатация национальных богатств в интересах центральной власти. В современной России ресурсный национализм играет ключевую роль в обеспечении экономической стабильности и национальной безопасности, особенно в условиях глобальных геоэкономических вызовов. Ресурсный национализм

в период СВО стал основой экономической стратегии России, направленной на преодоление санкций и поддержание суверенитета. Однако усиление добычи ресурсов и перераспределение доходов вызывают напряженность в регионах и усиливают экологическую нагрузку, поскольку акцент на экономической выгоде от добычи ресурсов может игнорировать экологические и культурные аспекты. Это создает почву для протестов и дискуссий о необходимости более рационального использования природных богатств.

Ключевым понятием в рамках концепции зеленого национализма выступает национальная идентичность как сложная структура, объединяющая гражданские, этнические, культурные и региональные аспекты [Осянин, 2019]. В условиях многонационального СССР экологические протесты часто становились инструментом для выражения национальных притязаний. Например, в национальных республиках экологическая риторика переплеталась с требованиями национальной независимости, основываясь на этнической и культурной идентичности. В то же время в центральных регионах акцент делался на гражданской солидарности и региональной принадлежности. В контексте анализа взаимосвязи экоционализма и идентичности на уровне субъектов Российской Федерации под национальной идентичностью понимается многослойное понятие, включающее гражданскую, этническую, региональную и культурную составляющие. В зависимости от специфики конкретного региона та или иная составляющая выходит на первый план: в национальных республиках идентичность выражается через защиту природных объектов как символов этнической самобытности, тогда как в регионах с доминирующей русской культурой акцент делается на обще-

национальную гражданскую гордость за природные богатства. В многоэтничных регионах природные объекты становятся фактором объединения локальных сообществ, формируя синтез идентичностей. На современном этапе развития Россия вновь сталкивается с необходимостью выбора пути цивилизационного развития. Важнейшей основой для преодоления внутренних противоречий и укрепления солидарного единства российского народа становится цивилизационная идентичность, которая формируется на основе многоэтничности, поликонфессиональности и культурного многообразия [Абдулкадыров, 2024].

На основании проведенного исследования можно выделить несколько ключевых аспектов, которые позволяют определить причины зеленого национализма в СССР и современной России:

1. Политические факторы. Ошибки политической системы, такие как неэффективное управление природными ресурсами, отсутствие адекватного экологического регулирования и пренебрежение интересами местных сообществ, ведут к ухудшению состояния окружающей среды. Это способствует росту общественного недовольства и активному распространению идей энвайронментализма, который, в свою очередь, часто переплетается с националистическими настроениями и стремлением к автономии или суверенитету национальных сообществ в многонациональном государстве.

2. Социально-экономические факторы. Экономические интересы, связанные с экологическими объектами, могут стимулировать рост зеленого национализма в том случае, когда местные сообщества ощущают эксплуатацию национальных природных ресурсов в интересах центральной власти. Этот фактор усиливает чувство соци-

альной несправедливости и способствует активизации протестов.

3. Исторические факторы. В регионах с долгой историей подавления национального самосознания экологические проблемы могут стать катализатором для возрождения национализма, когда природные ресурсы и охраняемые территории воспринимаются как часть национального наследия.

4. Культурно-символические факторы. Природные объекты, представляющие экологическую ценность, могут восприниматься как символы национальной идентичности. Угроза их существованию усиливает стремление к сохранению национальной культуры, что придает экологическим протестам особый символический смысл.

В условиях крайне турбулентных геополитических процессов зеленый национализм может как усилить внутренние противоречия, так и стать платформой для диалога между обществом и властью (при поддержке конструктивных инициатив). Для предотвращения радикализации эконациональных движений государству важно: 1) интегрировать экологическую повестку в национальную стратегию развития; 2) поддерживать локальные экологические инициативы, сохраняя баланс между интересами центра и регионов; 3) перевести зеленый национализм в форму «зеленого патриотизма», ориентированного на созидание и стабильность.

В отличие от *зеленого национализма*, который часто принимает радикальные формы и направлен на защиту интересов «возрождающейся» нации, *зеленый патриотизм* представляет собой более конструктивную и прогрессивную альтернативу развития национальных сообществ. Он фокусируется на гордости за рациональное использование природных ресурсов, участии в глобальных экологических инициа-

тивах и защите окружающей среды, избегая при этом враждебности к другим нациям и государствам. Зеленый патриотизм предлагает позитивный путь для развития экологической политики, который не несет рисков политической радикализации и сепаратизма.

Таким образом, изучение причин возникновения зеленого национализма и развитие зеленого патриотизма становятся важными факторами для разработки мер по предотвращению радикализации политических настроений и формирования экологической политики, соответствующей концепции устойчивого развития.

Список литературы

- Абдулкадыров Ю.Н. Цивилизационная идентичность современной России: проблемы и сущностные смыслы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 8. – С. 13–18. – DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-28.
- Винер Б.Е., Дивисенко К.С. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования // Социология науки и технологий. – 2015. – № 4. – С. 177–196.
- Здравомыслова Е.А. Социологические подходы к анализу общественных движений // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 88–94.
- Каратуева Е.Н. Зеленый национализм: от распада СССР к угрозе политической стабильности современной России // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 263–264.
- Кокаревич М.Н. Укрепление национальной идентичности как значимый фактор благополучия российского общества // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – № 2 (53) – С. 13–22. – DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773.
- Осянин А.Н. Национальная идентичность российского общества: социологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2019. – № 1 (53). – С. 65–72.
- Тишков В.А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2011. – 232 с.
- Тулаева С., Снарский Я. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium*: журнал социальных исследований. – 2022. – № 3. – С. 4–33. – DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33.
- Фешбах М., Френдли-младший А. Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении. – Москва : НПО «Биотехнология» и «Голос», 1992. – 308 с.
- Халий И.А. Этапы взаимодействия российского экологического движения с властями // Политическая наука. – 2010. – № 2. – С. 132–157.
- Цепилова О.Д. Этапы институционализации экологического протестного движения в постперестроечной России // Власть и элиты. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 211–233. – DOI: 10.31119/re.2023.10.2.9.
- Яницкий О.Н. Экологическое движение и контекст становления гражданского общества в посттоталитарной среде // Социологические исследования. – 1992. – № 12. – С. 40–51.
- Arndt M. Environmentalism or Sau-sages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union // *European History Quarterly*. – 2022. – Vol. 52, N 3. – P. 418–439. – DOI: 10.1177/02656914221103152.
- Conversi D., Hau M.F. Green nationalism. Climate action and en-

vironmentalism in left nationalist parties // *Environmental Politics*. – 2021. – vol. 30, N 7. – P. 1089–1110. – DOI: 10.1080/09644016.2021.1907096.

Dawson J.I. *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. – Durham : Duke University Press, 1996. – 240 p.

Dellapenna J.W. Behind the Red Curtain: Environmental Concerns and the End of Communism // *Journal of Eurasian Law*. – 2009. – Vol. 2, N 3. – P. 1–35.

Dobson A. *Green Political Thought*. – London : Routledge, 2007. – 240 p. – DOI: 10.4324/9780203964620.

Malešević S. *Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 320 p.

Ohmae K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. –

New York : Simon and Schuster, 1995. – 214 p.

Perga T. 9 Eco-Nationalism in the Soviet Union in the Late 1980s and Early 1990s: The Ukrainian Case // *Nationalism in a Transnational Age: Irrational Fears and the Strategic Abuse of Nationalist Pride*. – Berlin, Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2022. – P. 177–194. – DOI: 10.1515/9783110729290-009.

Posocco L., Watson I. Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? // *Frontiers in Sociology*. – 2022. – Vol. 7. – P. 1–19.

Radkau J. *Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt*. – München : Beck, 2002. – 469 S. – Нем. яз.

Weiner D.R. Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia // *Journal of the History of Biology*. – 1990. – Vol. 23, N 2. – P. 336–337.

DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Environmental Protests and National Identity in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR and Modern Russia

Elena N. KARATUEVA

PhD (Political Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration

Saint Petersburg State Agrarian University

Peterburgskoe Shosse, 2, Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation, 196601;

Doctoral Student of the Department of Political Science

Financial University under the Government of the Russian Federation

Leningradsky Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167

E-mail: e_karatueva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2169-3622

CITATION: Karatueva E.N. (2024). Environmental Protests and National Identity in a Multinational State: Green Nationalism in the USSR and Modern Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 105–121 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.04.07

Received: 28.09.2024.

Revised: 29.11.2024.

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of green nationalism as a socio-political phenomenon combining environmental and nationalist aspects through the analysis of environmental protests in national communities. The paper investigated the evolution and dynamics of environmental protests in the republics of the USSR during the period of perestroika, as well as modern environmental movements in Russian regions (Tatarstan, Bashkortostan, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug). The main focus is on how environmental protests are intertwined with nationalist ideas, turning into a tool for political mobilization. The research methodology is based on historical, discursive, comparative and content methods of analysis, which made it possible to study the evolution of green nationalism, as well as identify regional*

features and general patterns of protest activity. In conclusion, the correlation of green and resource nationalism in the late Soviet and post-Soviet periods is noted. These areas may conflict, but they are able to integrate during a period of political mobilization and defending national interests. The basis for overcoming internal contradictions and strengthening the unity of society in a multinational state can be an identity based on multiethnic, multi-confessional and cultural diversity. The main conclusions of the study emphasize that the causes of green nationalism is an important factor in preventing the radicalization of political sentiment in the country. The development of green patriotism as a more constructive and progressive alternative to the development of national communities will help to play a key role in this.

KEYWORDS: *green nationalism, econationalism, environmentalism, environment, environmental protests, national identity, multinational state, USSR, Russia.*

References

- Abdulkadyrov Yu.N. (2024). Civilization identity of modern Russia: problems and essential meanings. *Humanitarian, Socio-economic and Social Sciences*. No. 8, pp. 13–18 (in Russian). DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-28.
- Arndt M. (2022). Environmentalism or Sausages? Politicizing the Environment in the Late Soviet Union. *European History Quarterly*. Vol. 52, no. 3, pp. 418–439. DOI: 10.1177/02656914221103152.
- Conversi D., Hau M.F. (2021). Green nationalism: Climate action and environmentalism in left nationalist parties. *Environmental Politics*. Vol. 30, no. 7, pp. 1089–1110. DOI: 10.1080/09644016.2021.1907096.
- Dawson J.I. (1996). *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham: Duke University Press, 240 pp.
- Dellapenna J.W. (2009). Behind the Red Curtain: Environmental Concerns and the End of Communism. *Journal of Eurasian Law*. Vol. 2, no. 3, pp. 1–35.
- Dobson A. (2007). *Green Political Thought*. London: Routledge, 240 pp. DOI: 10.4324/9780203964620.
- Feshbach M., Friendly A.Jr. (1992). *Ecode in the USSR: Health and Nature Under Siege*. Moscow: NPO “Biotechnology” and “Golos”, 308 pp. (in Russian).
- Karatueva E.N. (2024). Green nationalism: from the collapse of the USSR to the threat of political stability in modern Russia. In: *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Paradigms of Development*. Proceedings of the X All-Russian Congress of Political Scientists of RPSA with international participation. Moscow: Aspect Press, pp. 263–264 (in Russian).
- Khaly I.A. (2010). Stages of interaction between the Russian environmental movement and the authorities. *Political Science*. No. 2, pp. 132–157 (in Russian).
- Kokarevich M.N. (2024). Strengthening national identity as a significant factor in the well-being of Russian society. *Vectors of Well-being: Economics and Society*. No. 2 (53), pp. 13–22 (in Russian). DOI: 10.18799/26584956/2024/2/1773.
- Malešević S. (2019). *Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 320 pp.
- Ohmae K. (1995). *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. New York: Simon and Schuster, 214 pp.
- Osyenin A.N. (2019). National identity of Russian society: sociological aspect. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. No. 1 (53), pp. 65–72 (in Russian).
- Perga T. (2022). Eco-Nationalism in the Soviet Union in the Late 1980s and Early 1990s: The Ukrainian Case. In: *Nationalism in a Transnational Age: Irrational Fears and the Strategic Abuse of Nationalist Pride*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, pp. 177–194. DOI: 10.1515/9783110729290-009.
- Posocco L., Watson I. (2022). Reflexive Green Nationalism (RGN): A sociological antidote to the climate crisis? *Frontiers in Sociology*. No. 7, pp. 1–19.
- Radkau J. (2002). *Nature and Power. A World History of the Environment*. München: Beck, 469 pp. (in German).
- Tishkov V.A. (2011). *Unity in Diversity: Publications from the Journal “Ethnopanorama” 1999–2011*. Orenburg: OGAU Publishing Center, 232 pp. (in Russian).
- Tsepilova O.D. (2023). Stages of institutionalization of the environmental protest movement in post-Perestroika Russia. *Power and Elites*. Vol. 10, no. 2,

pp. 211–233 (in Russian). DOI: 10.31119/pe.2023.10.2.9.

Tulaeva S., Snarsky Ya. (2022). Green nationalism in a resource-based state: ecological agenda and national identity in Russian regions. *Laboratorium: Social Research Journal*. No. 3, pp. 4–33 (in Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2022-14-3-4-33.

Viner B.E., Divisenko K.S. (2015). Russian ethnosociology: boundaries, research areas, and research groupings. *Sociology of Science and Technology*. No. 4, pp. 177–196 (in Russian).

Weiner D.R. (1990). Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia. *Journal of the History of Biology*. Vol. 23, no. 2, pp. 336–337.

Yanitsky O.N. (1992). Environmental movement and the context of civil society formation in a post-totalitarian environment. *Sociological Research*. No. 12, pp. 40–51 (in Russian).

Zdravomyslova E.A. (1990). Sociological approaches to the analysis of social movements. *Sociological Research*. No. 7, pp. 88–94 (in Russian).